

Михаил ГАУЗНЕР

НАШ ЮБИЛЕЙ

Был ясный солнечный день, один из последних теплых дней уходящего лета. В сквере напротив здания экономического университета на Преображенской, 8, собралось много пожилых необычно веселых, счастливых улыбающихся людей. Дружеские рукопожатия, объятия, поцелуи, радостные восклицания: "Привет! Ты совсем не изменился, разве что чуть-чуть. А я постарела? Ну ладно, не лести, сама знаю, но будем сегодня об этом. Кто это идет? Не узнаю... Ой, да это Женя (Толя, Инна, Юра)", — и в таком же духе продолжалось часа полтора-два. Фотографировались, опять обнимались и говорили, говорили...

В моем кармане зазвонил мобильник, и я услышал голос Сергея Калайджяна, который так и не смог выбраться в Одессу из Сухуми: "Миша! Все уже собрались? Дай мне Свету, а потом Аскольда!" — "Серезжа, как жалко! А когда ты сможешь приехать? Приезжай, пожалуйста, мы хотим тебя видеть! Хорошо, передаю телефон дальше..."

Минут через 20 я стал сомневаться, что телефон когда-нибудь вернется ко мне, — он продолжал переходить от одного из моих товарищей к другому, отовсюду слышались радостные восклицания. И казалось на удивление естественным, что люди, которым, говоря одесским языком, "хорошо за семьдесят", называют друг друга Серезжами, Майками, Алками. Поэтому и я в этом тексте буду называть моих солидных и пожилых товарищей просто по именам, без отчества и церемоний.

В здании, у входа в которое мы собрались, с 1918 по 1958 год размещался Политехнический институт. Мы пришли в него 55 лет назад юными, наверняка немного смешными; кто-то был скромным, кто-то более уверенным, но все — радостными и веселыми: ведь впереди была студенческая жизнь, о которой мы так мечтали.

Наш сороковой выпуск ОПИ был последним в этом здании, потом институт переехал на проспект Шевченко, там впоследствии вырос целый квартал учебных корпусов, но они для нас чужие, а тот, у которого мы собрались, — родной. Читатель уже понял, что в этот день мы отмечали полувековой юбилей нашей самостоятельной инженерской жизни, начавшейся тогда, когда мы покинули эти стены.

Кстати, о стенах, вернее — о здании. Оно было построено в конце XIX в. на средства одесского купечества для размещения в нем Императорского коммерческого училища. По словам писателя и краеведа А.Ю. Розенбойма, окончившие училище с отличием представлялись на звание почетного гражданина Одессы. Выпускниками этого учебного заведения были многие известные люди, сыгравшие важную роль в жизни Одессы и России. Коммерсантов не припомню, но двоих знаменитых литераторов назову: Лев Никулин, и особенно Исаак Бабель. Так что мы, не зная этого тогда, могли заниматься в аудитории, где учился Исаак Эммануилович.

Но вернемся к нашей встрече. Попытаюсь передать ее необыкновенную атмосферу по памяти и фрагментам видеозаписи, которая велась почти все время: "А кто это топают? Это не наш кадр?" — "Раз топают, значит, наш". К площадке сквера, на которой мы собирались, приближается, опираясь на палку, высокий солидный мужчина в очках и бейсболке. Холеные седые борода и усы, заметно выпирающий живот, нависающий над ремнем. Невозмутимо, без улыбки смотрит

на нас; его почти никто не узнает. Света Дорошенко, смеясь, помогает ему повесить на грудь с частичной опорой на живот фотографию молодого красивого юноши, в котором сразу узнается студент Витя Галка. Хохот, дружеские подначки, реплики типа: "Ну, ты даешь!", "Ты это здорово придумал".

— Я помню нашу встречу с тобой в Минске. Когда это было? В конце шестидесятых? И как там ваш батяка Лукашенко? А кто из наших еще есть? — Саша Карачун, у него завтра семидесятипятилетие; сам понимаешь, он не смог уехать.

— Ты посмотри на эту женщину! Она всегда была красавица, и сейчас такая же. Нет, серьезно! Не понял, кто-то не согласен?

— Какой ты молодой, даже я не такой, а я ведь еще ого-го, правда? — Леня Комиссаренко не смог приехать, он в больнице; хоть и Германия, но больница — это серьезно.

— Ну, ребята, вы молодцы! — Нет, это все мы молодцы, раз смогли все преодолеть и приехать! — А ты стал расти вперед.

— Что же ты хочешь, вверх я вырос еще в институте!

— Ребята, подойдите по одному к Инке, надо скинуться еще по двадцатке — с марта цены выросли. И кончайте обниматься, еще успеете. Пошли потихоньку в ресторан, это недалеко.

Несколько кварталов до ресторана шли довольно долго — некоторые из нас быстро передвигаться не могли, но это никого не смущало. Говорили, рассказывали, выясняли, отвечали.

В большом зале ресторана за огромным столом расположились 42 участника встречи; из них, за вычетом пяти жен, собственно юбиляров было 37. Пять лет назад нас собралось 25, но нескольких из них на этот раз не было: кто-то не смог, а одна из организаторов предыдущей встречи, энергичная и веселая Алла Молостова, через год умерла. Так что почти половина собравшихся оказались на встрече впервые за много лет.

А найти их было совсем не просто. Многолетний организатор наших традиционных сборов Гриша Машевский перед отъездом в 1993 г. в Штаты передал все списки с адресами и телефонами Володе Гительмахеру, который вскоре, возвращаясь в Одессу, внезапно умер в поезде от инсульта. Во время похорон было, понятно, не до списков, а потом его семья переехала, и сведения потерялись.

Через десять лет за организацию очередной встречи взялся автор этих строк и Инна Гурович (Зильберберг). Нам пришлось составлять списки, практически заново отыскивать адреса и телефоны сокурсников, обзванивая одесситов. Затем по ставшим известными адресам я посылал письма.

В этом году мы с Инной, Аскольдом Назаренко и Сеней Гройсманом расширили поиск и разными способами — по телефону, рассылкой писем (включая даже письма без адресов в иногородние организации, где раньше предположительно работали наши выпускники) — оповестили почти 80 человек.

Нам было приятно, что уже на этом этапе реакция большинства оповещенных была радостной и благодарной (помню SMS Олега Мазура из Нальчика: "Миша! Я так тебе благодарен..." — и много аналогичных телефонных звонков). Нам пришлось дважды переносить дату встречи и заново оповещать об этом всех будущих участников, живущих в разных городах и странах, когда выяснялось, что она неудобна для кого-то и ставит под угрозу его приезд. Работа была большой и кропотливой, но мы сами получали от нее удовольствие.

Часть писем вернулись с пометкой "адресат не проживает". Некоторые наши товарищи звонили,

очень благодарили за приглашение, но говорили, что по разным причинам (в основном — по состоянию здоровья) приехать не смогут: Игорь Бенюх из Северодвинска, Витя Денисенко из Новосибирска, Тоня Герасимчук из Первомайска, Лина Морозова из Винницы, Игорь Рейдер из Торонто и другие. Не смогли приехать упомянутые выше Сергей Калайджян из Сухуми, Саша Карачун из Минска, Леня Комиссаренко из Германии и еще человек десять, известных нам.

"География" приехавших была довольно широкой: из США — Майя Лукашевская, Инна Винер (Зильберберг), Гриша Машевский; из Германии — Юра Коңцов с женой и Витя Галка; из Израиля — Мила Лепина (Блехман), из Санкт-Петербурга — Людя Вишневская, из Нальчика — Олег Мазур, из Кишинева — Саша Марин с женой, из Минска — Вадим Басс и Маня Баранова, из Москвы — Оля Волощенко, шестеро из разных городов Украины. Таким образом, больше половины собравшихся были приезжими.

Но вернемся к застолью. В его организации приняли активное участие Инна Гурович, Алла Зуева (Дмитриева), Сеня Гройсман и Ванда Рымар (Ямроз); в организации видео- и фотосъемок — Света Дорошенко, которая сама их частично оплатила.

Открывая наш вечер, я поприветствовал от имени одесситов всех приехавших, а потом попросил почтить память около тридцати наших товарищей, которых уже нет среди нас, и перечислил их поименно. Это был единственный грустный эпизод. После этого начались тосты, здравичи, воспоминания, пожелания, продолжавшиеся допоздна.

Один из нас, профессор политеха Женя Бельтюков, сказал, что наше братство — явление уникальное; ему за несколько десятилетий работы в институте ни разу не приходилось сталкиваться с такой многочисленной и радостной встречей выпускников. Потом он эмоционально вспомнил наших преподавателей и их роль в получении нами знаний. А наша профессиональная подготовка была действительно очень хорошей — среди нас несколько профессоров (в том числе известный ученый, заслуженный деятель науки и техники Украины академик Аскольд Назаренко), доценты, директора и главные инженеры заводов и проектных организаций (бывшие директор Одесского завода "Центролит" Сергей Василенко, начальник СКБ "Сиблитмаш" в г. Новосибирске Виктор Денисенко и другие руководители), конструкторы высокого уровня — авторы оригинальных разработок, изобретатели, заместители министра станкостроения СССР Николай Ендовицкий (увы, покойный), лауреат Государственной премии республики Беларусь и вице-президент Белорусской ассоциации литейщиков Вадим Басс; перечень можно продолжить. Не боясь громких слов, могу сказать, что выпускники нашего курса внесли действительно большой вклад в развитие машиностроения.

Тост Е. Бельтюкова продолжил Гриша Машевский, который в свойственной ему живой форме по-доброму и с юмором вспомнил многих преподавателей, восстанавливая в нашей памяти их характерные черты и выражения.

Первым, естественно, был назван директор института профессор Виктор Афанасьевич Добровольский, около тридцати лет бессменный заведующий кафедрой деталей машин. Наш курс был последним, на котором он читал свои неповторимые лекции. Это был ученый и инженер с огромной эрудицией и опытом, эксперт во многих областях машиностроения и одновременно человек с прекрасным чувством юмора, остроумные фразы ко-

торого передавались из поколения в поколение студентов.

Гриша напомнил нам некоторые изречения Виктора Афанасьевича: "Характер, по аналогии еще кое с чем, надо иметь, но не обязательно его показывать"; "Прочность соединения обратно пропорциональна учености его создателя" и ряд других, что вызвало смех и аплодисменты собравшихся.

Мой отец, учившийся у Виктора Афанасьевича еще в начале тридцатых годов, цитировал мне другие его "крылатые фразы". Когда студент приносил Добровольскому слабый, с ошибками, проект, тот говорил: "Инженера из тебя, видимо, не получится. Может быть — главный инженер..."; "Инженер-руководитель должен уметь не только руками водить, но хотя бы иногда и головой работать".

На лекциях В.А. Добровольского всегда была полная аудитория, хотя лекциями в общепринятом смысле назвать их было трудно; скорее это были размышления, рассказы об интересных случаях из его обширной практики эксперта, но почему-то именно они вспоминались потом в нашей практической работе чаще многих других традиционно построенных лекций.

Профессор В.А. Добровольский

Наша сокурсница Майя Яворовская (о ней речь впереди) писала о Викторе Афанасьевиче через 25 лет после окончания института: "Неожиданно приоткрылась дверь аудитории, в ней показались аккуратно причесанные на пробор профессорские седины, неизменное чеховское пенсне — и вдруг совершенно хулиганско-мальчишеский взмах руки: "Бонжур, механики, с новым учебным годом!". И исчез...". "Во время праздничных демонстраций он любил приходить в нашу колонну и разбрасывал налево-направо, словно конфетти, свои ярко расцвеченные полугалетные шуточки". Наверное, среди наших преподавателей не было другой такой колоритной и легендарной фигуры.

С благодарностью вспомнили мы с Гришиной помощью преподавателей, прекрасно читавших, пожалуй, самые сложные теоретические курсы — теорию механизмов и машин (ТММ) Льва Соломоновича Ханукова, и сопромат — Анатолия Васильевича Будницкого, всегда подтянутого, строгого, четкого.

Потом "тряхнул стариной" Вадим Басс и на специально принесенной мною гитаре стал аккомпанировать себе и другим исполнителям, и зазвучали наши старые песни.

Но основным содержанием и главной радостью вечера было общение. Собирались группками, подсаживались друг к другу и говорили, говорили.

В конце вечера я вновь выступил и предложил вспомнить двух наших товарищей, которые после нескольких лет успешной инженерной работы окончательно поняли, что их призвание — журналистика, и осуществили его.

Одна из них — уже цитировавшаяся выше Майя Яворовская (в "Тикве" год назад был опубликован мой очерк о ней и большая подборка ее стихов). Она стала членом Союза журналистов, работала в газете и на радио, преподавала журналистику в университете и писала про-

зительные, искренние стихи. Жаль, что ее уже семь лет нет с нами.

25 лет назад, когда она не смогла приехать на нашу встречу, в зачитанном перед собравшимися ее обращении были такие строки: "В каждый приезд в Одессу я ходила туда, на Преображенскую и Гоголя... Там всегда сжималось мое сердце, и с годами все чаще наворачивались на глаза сентиментальные слезы. Там я знаю каждую щербинку на тротуаре, там на каждом углу страница памяти... Пока будет жив хоть один из нас, будет жить и наш старый добрый дедушка — институт, и наше братство".

Стал журналистом, сценаристом, поэтом и мой самый близкий друг, наш однокурсник Женя Марголин. Он был членом не только Союза журналистов, но и Союза кинематографистов. За сценарий нашумевшего в конце 80-х годов фильма "Легко ли быть молодым?" он получил Государственную премию СССР — высшую награду для творческого работника. В последние годы жизни (он внезапно умер в 56 лет, на пике творчества) Женя был избран коллективом и успешно работал директором и художественным руководителем Рижской киностудии документальных и научно-популярных фильмов.

Еще работая на заводе в Риге, Женя в 1960 году написал и прислал мне стихотворение "Друзьям-политехникам". Я прочитал его собравшимся на нашей встрече, и оно прозвучало так, как будто адресовано нам, сегодняшним. Написано оно было ко встрече Нового года, но важен в нем не повод, а тяга к общению с нами и настроение. Приведу несколько последних строк:

*"...Гулко наполнят комнату
курантов удары мерные,
С Новым годом поздравит
по радио Левитан,
А когда шум утихнет,
в десять минут первого
Я по старой традиции
снова наполню стакан.
Я знаю — в это же время
в далеком Новосибирске
Сверяют часы по московскому
трое наших ребят,
И одновременно в Одессе,
Москве и Минске
Бывшие политехники
тоже на стрелки глядят.
Большая подходит к двойке.
Выпьем за дружбу верную!
Впрочем, не надо тостов,
пусть говорит тишина.
В эту минуту — вместе.
Десять минут первого.
Молча — стаканы в руки,
молча — до самого дна".*

Пожалуй, лучше о дружбе и братстве не скажешь.

Закончился наш вечер поздно, официантки уже многозначительно поглядывали на нас, но мы все никак не могли разойтись. Стояли на тротуаре у входа в ресторан и договаривали то, что не успели сказать друг другу там. Одни завтра уже уезжали; кто-то собирался через день по приглашению Вали Заболотного идти с ним на яхте по заливу, посмотреть на Одессу с моря; кто-то договаривался о "сепаратных" встречах в небольших компаниях.

Человек двадцать встретилось на следующий день около Дюка. Долго сидели на обновленном Приморском бульваре, подошли к памятнику Екатерине II и Основателям Одессы. Потом спустились в порт, прошли вдоль пассажирских причалов, посидели на скамейке около яхт-клуба. У наших ног плескалось море, на голубом небе светило яркое солнце, мы ели принесенный кем-то виноград... Это были счастливые минуты умиротворения, и опять не хотелось расставаться. Поднялись на фуникулере, мимо застекленной крыши над фрагментом археологических раскопок прошли к памятнику Пушкину, потом к Оперному.

Повторюсь — жаль было расставаться. Вадим Басс предложил организовать следующую встречу не через пять лет, как обычно, а через два года.

Так закончился наш юбилей, который оставил у его участников теплые и добрые воспоминания. Если хотя бы часть наших пожеланий друг другу сбудется, мы будем счастливы.